

Т.Г. Трофимович
(Минск)

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ СТАРОРУССКОГО ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА

Автор статьи предлагает типологию предметных наименований старорусского делового языка, построенную с опорой на комплекс таких признаков, как вербально-квантитативная характеристика, первичность / вторичность номинации, характер привлеченного в именование признака.

Среди многочисленных проблем современной лингвистики, прочно укрепившейся на антропоцентрических позициях, заметен устойчивый интерес к проблемам языковой номинации в синхронии и диахронии. Стремление выяснить, что происходило тогда, «когда народа безымянный гений немую плоть предметов и явлений одушевлял, даруя имена» (А. Тарковский), не противоречит генеральному направлению языковедческого поиска, для которого характерно расширение объекта исследования до текста¹. Наименование может быть истолковано как свернутый текст, в котором отразились речемыслительные процессы, происходящие при возникновении номинативной единицы. Это положение активно поддерживается многими исследователями, и в частности, Е.С. Кубряковой, в одной из последних работ которой анализируется связь производного слова и предложения (пропозиции)².

¹ *Онипенко Н.К.* Грамматические категории в тексте // *Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы.* М., 2001. С. 89.

² См.: *Кубрякова Е.С.* Когнитивная лингвистика и проблема композиционной семантики в сфере словообразования // *Известия РАН. Серия языка и литературы.* Т. 61. 2002. №1.

Обозначенный подход продуктивен в попытке целостного описания различных систем номинативных единиц, а также различных аспектов языковой номинации. Особенно значимой, на наш взгляд, является типологическая характеристика предметных наименований, в основе которой лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа. Возникает проблема выработки принципов такого расчленения и группировки, учитывающих онтологические признаки номинативных единиц.

Положение о том, что «понятие как мысль о предмете, выделяющая в нем существенные признаки, выражается именем, а всякое представление в языке может быть опредмечено»³, является общепринятым. При этом не вызывает сомнений и тот факт, что предметное наименование может быть как однословным (универбальным), так и неоднословным (поливербальным). Противопоставление однословных и неоднословных номинаций, их вербально-квантитативная характеристика естественным образом становятся начальными в построении типологии. Такой подход подразумевает и специфика номинативного строя языка старорусской деловой письменности, в котором двусловные наименования были широко распространены⁴. Тогда в системе старорусской предметной номинации выделяется, с одной стороны, корпус универбов (универбативов) типа *крестьянин, холоп, староста, мастер, книга, грамота, лист, земля, пошлина, деньги, люди* и т.п. и корпус бивербов (бивербативов) типа *крестьянин монастырский, холоп беглый, староста ратайный, мастер портной, книга описная, грамота доправная, лист опасный, земля захожая, пошлина грузовая, деньги копейные, люди кормовые* и т.п.

³ Петрухина Е.В. Актуальные категории глагола в русском языке. М., 2000. С. 11.

⁴ См.: Трофимович Т.Г. Неоднословные названия лиц в системе номинативных средств старорусского делового языка // Вестн БДПУ. 1999. №3. С. 46.

Группировка названий далее может быть осуществлена с учетом первичности (изначальности) или вторичности номинации, а также фактов заимствования. Как известно, первичные наименования — крайне редкое явление, а вторичные в зависимости от характера указания на действительность делятся на автономные и неавтономные или косвенные. Отличительным признаком неавтономной номинации является использование комбинаторной техники языка в процессе формирования новой языковой единицы⁵. Следовательно, среди предметных наименований окажется возможным выделить небольшую группу первичных (*мать, сын, дочь, отец* и др.), подавляющее же большинство будут составлять вторичные автономные и неавтономные (однословные / неоднословные) единицы. Относительно немногочисленными являются единицы, возникшие в результате заимствования.

Дальнейшие попытки выявления типов наименований, безусловно, должны базироваться на том, что в основе вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. Предмет получает свое наименование в зависимости от свойственного ему признака, который оказывается наиболее значимым в процессе именованя. Есть основания считать, что выявить привлеченный к именованию признак возможно, подвергнув анализу номинативное суждение — вербальное выражение денотативно-сигнификативного содержания названия. Его можно гипотетически реконструировать, проанализировав семантику слова, а также контексты, в которых оно используется, поскольку это, в известном смысле, — фиксация показаний языкового сознания⁶.

Наши наблюдения показывают, что выделить дистинктивные признаки для процесса вторичного именованя возможно, равно как и установить их «продуктивность». Наиболее актуальными и для автономных, и для неавтономных единиц оказы-

⁵ См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 336.

⁶ Блинова О.И. Явления мотивации слова. Томск, 1985. С. 35.

ваются признаки агентивные, локумные, посессивные и некоторые другие. Оставаясь генеральными при возникновении наименования, они чаще всего конкретизируются. Так, например, агентивный признак конкретизируется по активности / пассивности или субъектности / объектности действия, посессивный – по индивидуальной или групповой принадлежности и т.д.

Наши наблюдения над агентивным типом предметных наименований показывают, что действие, положенное в основу названия, может быть разным. Так, это действие может совершать сам объект номинации, т.е. слово или словосочетание является именем субъекта этого действия. В сфере универбов это в основном наименования лиц (*выходецъ, высельщикъ, выкупщикъ, выимщикъ, выезжикъ, выезжий, выдельщикъ, выборщикъ и др.*). Среди неоднословных наименований такой подтип представлен в названиях лиц, а также в названиях штрафов и пошлин, судов, учреждений. Приведем лишь некоторые примеры: *люди беглые, бродячие, воровские, выбылые, вылазные, гулящие, купецкие, начальные, погорелые* и др.; *судъ проезжий, проездный, деревня живущая, приказ печатный, приказ судный, голова объездной, бабка приемная* и др. Общая схема построения этого подтипа может быть определена так: тот / то, который / которое что делает (человек, который выкупает собственность, – *выкупщик*, расхищает – *расхититель* и т.п.; суд, который проезжает, рассматривая при этом иски, – *проезжий суд*; приказ, в функции которого входит опечатывать документы, удостоверяя их подлинность, – *печатный приказ* и т.д.). Перед нами **агентивно-субъектный подтип**.

Анализ агентивных наименований показывает, что подавляющее большинство из них возникло на основе признака по действию, которое кто-то совершает, т.е. объект наименования не является субъектом действия. В этом случае общая схема подтипа такова: то, где делают что-либо; тот, с которым делают что-либо; то, с помощью чего что-либо делают и под. Перед нами **агентивно-**

бессубъектный подтип. К указанным названиям принадлежат и имена лиц однословные (*связень, рассыльщикъ, прощенникъ, прислальникъ, понятой, посол, пленник, переведенець, наемникъ, закладчикъ, выбранецъ, выборный, вывозной, закладной* и др.) и неоднословные (*мужи посаженные, приговорные, избранные; люди выборные, данные, даточные, деленые, закладные, купленные* и многие другие), документов – однословные (*мировая, мирная, отмерная, отдельная, выводная* и др.) и неоднословные (*грамота доправная, дельная, вытягательная, выкупная, выезжая, ввозная, опасная, обыскная, оговорная* и многие другие). К этому же подтипу принадлежат однословные и неоднословные наименования мест, учреждений, земельных угодий (*выгородъ, запашь, запашекъ, очисть, пекарня, мельница, зачинок, деревни пашенные, место ловчее, дворъ постоялый* и под.), штрафов и пошлин (*деньги молебные, прогонные, провозные, привальные, переводные, разрубные, вычетные, выкладные, заемные, ссудные, рядные* и т.д.; *пошлина записная, весчая, отпускная, отказная, отвозная, отвальная, подъемная, прихожая* и т.д.).

Рассматривая действие как номинативный признак, есть смысл обратить внимание на большую группу наименований, возникших с опорой на объект производимого действия. Думается, можно выделить **агентивно-объектный подтип** однословных и неоднословных наименований. Схема их возникновения может быть представлена в следующем виде: тот / то, который / которое делают что. По нашим наблюдениям, здесь преобладают однословные и неоднословные названия лиц, однако есть и другие группы.

Номинативное суждение в наименованиях этого подтипа подразумевает разное действие: изготовление, выращивание чего-либо, торговлю чем-либо, ухаживание за кем-либо, учет чего-либо, место содержания кого-либо или хранения чего-либо и т.д. Отчетливо выделяется группа наименований лиц по роду занятий. В зависимости от того, кто что изготавливает и чем торгует, получили наименования *вощечникъ, зеркаль-*

никъ, зелейникъ, замочникъ, завязочникъ, железникъ, древоделъ, драничникъ, гребенщикъ, гонтарь, гвоздарь, гарусникъ, каретникъ, лодейщикъ, мошенникъ (в первом значении), оловяничникъ и многие другие. Лицо могло получать свое название по предмету обработки (*скляничникъ, скорнякъ, роговникъ, рогожникъ, опоещикъ, овчинникъ, медникъ, кожевникъ* и др.), по предмету выращивания и уходаживания (*поросятникъ, псарь, конюхъ, коровникъ, гусятникъ, выжелятникъ* и др.) Применительно к именам лиц можно утверждать, что в качестве объектных выступают многообразные наименования реально возможных объектов воздействия человека.

Неоднословные названия лиц рассматриваемого подтипа тоже широко представлены: *коневоу тать, конский учитель, платяной казначей, кузнецъ железный; мастеръ бахромный, бочечный, денежный, зелейный, каптурный, колодезный, колокольный, колымажный, портной, часовой* и многие другие.

Если принять во внимание, что объект может присутствовать в номинативном суждении без указания на субъект действия, то к агентивно-объектному подтипу следует отнести и такие, к примеру, наименования: *пивоварня* (место, где варят пиво), *вощечня* (место, где выбивают воск), *железное* (пошлина за наложение оков), *деревня бортная, соколиная, конюшенная* (по занятию жителей), *приказъ каменный, оружейный, постельный, пушкарский* (по предмету ведения).

Безусловного внимания при описании выявленного типа наименований заслуживает низший в иерархии типологизирующих параметров показатель – характер деривационных средств, наличие которых в данном случае облигаторно. Для деривационных средств агентивного типа характерно следующее.

1. Исключительная продуктивность аффиксации при возникновении однословных наименований, активное использование в качестве ономаσιологических базисов суффиксов *-ец-, -тель-, -ник-, -ик-, -щик-* и некоторых других.

2. Некоторая неупорядоченность в использовании ономаσιологических базисов и как следствие этого существо-

вание номинативной избыточности (*мережникъ – мережчикъ, мздоимникъ – мздоиматель – мздоимецъ, кирпичникъ – кирпичикъ* и под.).

3. Распространенность семантической конденсации как средства появления универбов, причем конденсации двух видов: типа *зелеыйный мастер – зелеыйникъ, зелеыйщикъ* и типа *попной человекъ – попной*.

4. Частотность способа возникновения наименования с использованием основосложения и суффиксации (*земледелецъ, землепашецъ, злодей, железоковецъ* и под.).

Что касается неоднословных наименований, то показатель характера деривационных средств для них неактуален. Возникают подобные единицы путем развертывания базового имени, которое по каким-то причинам оказывается не в состоянии выполнить номинативный запрос и назвать предмет в соответствии с выявленным у него признаком. Вероятно, можно в принципе говорить об изоморфизме вторичных неавтономных универбов и бивербов. Тогда ономаσιологический признак наименования будет эксплицирован в атрибутивном компоненте биверба, ономаσιологический базис – в базовом имени, а при конденсации конверсивного типа приходится констатировать редукцию базиса и его импликацию (ср. *человекъ дворной – дворникъ* и *грамота отпускная – отпускная*).

Построение типологии предметных наименований неизбежно приводит к выводу о сложном взаимодействии в системе номинативных средств и в номинации как процессе слова и словосочетания. Любое производное наименование представляет собой свернутый текст, контекст, оязыковленное номинативное суждение. По своей ономаσιологической структуре оно двучленно и складывается из ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака (М. Докулил, Е.С. Кубрякова, Э. Секанинова и др.). При ближайшем рассмотрении оказывается, что это одинаково свойственно и слову, и словосочетанию указанного типа. В старорусском деловом языке широко представлены пары семантически идентичных наимено-

ваний типа *промышленный человек – промышленник, ратный человек – ратник, приговорная грамота – приговорная, отсрочная челобитная – отсрочная* и т.п. Подобное соотношение свидетельствует, на наш взгляд, о том, что универбы могли появляться в результате свертывания бивербов, при этом базовому наименованию (человек, грамота, крестьянин и т.д.), существующему на правах ономаσιологического базиса, в универбе соответствовал суффикс, если налицо была аффиксация. При субстантивации происходила редукция базиса и его импликация. Возможность двоякого пути универбации как бы подразумевает сосуществование в системе номинативных средств трехчленной цепочки типа *свободный человек – свободный – свободник* (словарные данные подтверждают их синхронность во времени). Реально подобная ситуация в системе предметной номинации встречается нечасто (около 10%), наиболее типична ситуация двучленной цепочки: *заказной староста – заказчик* (выборное лицо в крестьянской общине) или *человек крепостной – крепостной, сапожный мастер / швец – сапожник, портной мастер / швец – портной* и.д.

Сложное взаимодействие слова и словосочетания в процессе номинации проявлялось и в том, что стремление назвать предмет могло приводить к распространению универба. Например, наименование *запись* первоначально называло письменную передачу чего-либо, а с XVI века – документ. Слишком обобщенно, не учтенными оказались содержание, назначение документа. Тогда появляются *запись духовная, меновая, мировая, отступная, порядная, уговорная* и т.д. Неоднословных наименований указанного типа слишком много в языке старорусской деловой письменности, чтобы не обратить на них внимания и не принять к рассмотрению в рамках единой системы предметной номинации. Такое единство подчеркивает и дальнейшее возможное свертывание (семантическая конденсация): *загонный человек – загонщик* (служилый человек по добыванию припасов в военном походе), *староста – заказный староста – заказчик* (выборное лицо в крестьянской общине),

заказ (приказ, наказ,) – *заказати* (приказать, наказать), *грамота* – *приговорная грамота* – *приговорная* (приговор – решение), *грамота* – *челобитная грамота* – *челобитная* и далее распространение: *челобитная заручная, изветная, исковая ложная, мировая, отсрочная, подписная, полюбовная, ставочная* и т.д.

Установление пути возникновения наименования и характера привлеченного признака можно осуществить, если «развернуть» словосочетание или слово до номинативного суждения. Например, *свозчик* – тот, кто возвращает, свозит обратно беглых крестьян, *сахарник* – тот, кто торгует сахаром, *отсрочная, отсрочная челобитная* – челобитная с просьбой об отсрочке т.д. Всякий раз привлеченные в именовании признаки разные. Применяв комплекс характеристик, получаем типы наименований. Тогда *свозчик* – наименование универбальное, вторичное, агентивно-субъектное с ономасиологическим базисом *-чик* (ср. однотипные: *ответчик, доводчик, приказчик, окладчик, закладчик* и т.п.); *сахарник* – универбальное, вторичное, агентивно-объектное с ономасиологическим базисом *-ник* (*кувшинник, бахрамник, ложник* и т.п.); *отсрочная* – универбальное, вторичное, содержательно-объектное, конденсированное; *отсрочная челобитная* – бивербальное, содержательно-объектное, с базисом *документ*.

Предложенное направление анализа неизбежно приводит к проблеме мотивации наименования. Использование механизма анализа номинативного суждения как средства выяснения характера признака, положенного в основу именованного, возможно только при учете свойств этого суждения. Его гипотетичность, подкрепленная контекстом или семантикой слова (словосочетания), не может препятствовать стремлению объективно оценить путь возникновения наименования. Наблюдения показывают, что в пределах номинативного суждения достаточно последовательно выявляется упомянутый признак даже при возможной вариативности словесного выражения. Если допустить, что, например, *приказчик* – это тот, кто приказывает, или тот, кто от-

дает приказ, то очевидным оказывается агентивный признак: отдавать приказ – то же, что приказывать.

Свой механизм можно предложить и для формулировки номинативного суждения неоднословных наименований типа *мастер сапожный*. Такие названия следует воспринимать как первую, минимальную степень распространения слова, при этом само слово можно соотнести с ономаσιологическим базисом, а атрибутивный компонент – с ономаσιологическим признаком, поскольку слово выражает категориальность номинации, указание на признак заключено в атрибутивном компоненте. Если этот компонент воспринимается как производный, то его тоже можно «развернуть»: *мастер сапожный – мастер, который делает сапоги* или *мастер сапожного дела, мастер, занимающийся сапожным делом*. При таком подходе вырисовывается агентивно-объектный тип неоднословного наименования. Если же установить производность атрибутивного компонента невозможно, следует констатировать нерелятивный тип неоднословного наименования.

Анализ концептосферы предметной номинации языка старорусской деловой письменности приводит к пониманию того, что разные типы наименований оказываются по-разному представленными в системе концептов. Так, например, для наименований кровного и свойственного родства характерны первичные универбы, для наименований лиц – агентивные универбы и бивербы.

Попытка построить типологию предметных наименований с применением комплекса признаков приводит к пониманию того, что решающее значение для группировки производных (вторичных) номинаций и бивербальных образований имеет характер привлеченного в именование признака. Это соответствует существующим представлениям о логике номинативной деятельности языковой личности в прошлом и настоящем. Типологическая характеристика предметных наименований на такой основе возможна. Эта типологическая характеристика и есть основа системного описания предметной номинации языка старорусской деловой письменности.